

1868 г. — А. М. ГОРЬКИЙ — 1936 г.

Песня о Буревестнике

Над селой равниной моря ветер тучи собирает.
Между тучами и морем гордо реет Буревестник, чер-
ный молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к
тучам, он кричит, и — тучи слышат радость в смелом
крике птицы.

В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя
страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом
крике.

Чайки стонут перед бурей — стонут, мечутся над
морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред
бурей.

И гагары тоже стонут, — им, гагарам, недоступно
наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глухой пингвин робко прячет тело жирное в уте-
сах... Только гордый Буревестник реет смело и сво-
бодно над седым от пены морем!

Все мрачней и ниже тучи опускаются над морем,
и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с вет-
ром споря. Вот охватывает ветер стан волн объёмом
крепким и бросает их с размаха в дикой злобе на

тутасы, разбивая в пыль и брызги изумрудные гро-
мады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подоб-
ный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом
срывает.

Вот он носится, как демон, — гордый, черный де-
мон бури, — и смеется, и рыдает... Он над тучами
смеется, он от радости рыдает!

В гнев грома, — чуткий демон, — он давно уста-
лость слышит, он уверен, что не скроют тучи солн-
ца, — нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стан туч над бездной
моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине
гасит. Точно огненные змеи выются в море, исчезая,
отраженья этих молний.

— Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между мол-
ний над ревущим гневно морем; то кричит пророк
победы:

— Пусть сильнее грянет буря!

МАТЪ

Отрывок из романа

Усложившись на скамью, Сизов что-то
ворчал.

— Ты что? — спросила мать.

— Так! Дураки народ...

Позвоны колокольчик. Кто-то равно-
душно объявил:

— Суд идет...

Снова все встали и снова, в том же по-
рядке, вошли судьи, усадились. Ввели по-
судимых.

— Держись! — шепнул Сизов. —
Прокурор говорить будет.

Мать вытянула шею, всем телом пола-
зала вперед и замерла в новом ожидании
страшного.

Она бочком к судьям, повернув к ним
голову, опираясь локтем на конторку,
прокурор вздохнул и, отрывисто замявшая
в воздухе правой рукой, заговорил.

Первые слова мать не разобрала, голос про-
курора был плавный, густой и тек не
ровно, то — медленно, то — быстрее.

Слова однообразно вытягивались в длин-
ный ряд, точно стежки нитки, и вдруг
вылетали торопливо, кружились, как стая
черных мух над куском сахара. Но она
не находила в них ничего страшного, ни-
чего угрожающего. Холодные, как снег,
серые, точно пепел, они сыпались, сыпа-
лись, напоминая зал чем-то досадно напо-
дающим, как тонкая, сухая пыль. Эта
речь, судная чувствительная, обильная сло-
вами, должна быть, не достигала до Павла
и его товарищей — видимо, никак не за-
девала их, — все сидели спокойной и,
попробуем беззастенчиво беседуя, порою улы-
баясь, порою хмурясь, чтобы скрыть
улыбку.

— Врет! — шептал Сизов.

Она не могла бы этого сказать. Она
слышала слова прокурора, понимала, что
он обвиняет всех, никого не выделяя,
прокуроры и Павла, он начинал говорить
о Феле, а поставив его рядом с Павлом,
настойчиво подталкивал к ним Букина —
казалось, он упорно вытаскивал всех в
один мешок, плотно укладывая друг к
другу. Но внешний смысл его слов не
удовлетворял, не трогал и не пугал ее,
она, все-таки, ждала страшного и упорно
искала его за словами — в лице, в гла-
зах, в голосе прокурора, в его белой руке,
неторопливо мелькавшей по воздуху. Что-
то страшное было, она это чувствовала,
но — неуловимое — оно не поддавалось
определению, вновь покрывая ее сердце
сухим и едким налетом.

Она смотрела на судей — им, несом-
ненно, было скучно слушать эту речь.
Неживые, желтые и серые лица ничего
не выражали. Слова прокурора развивали
в воздухе незаметный густой туман, он все
рос и стужался вокруг судей, плотнее
окучивая их облаком равнодушия и умо-
ленного ожидания. Старший судья не
двигался, засох в своей прямой позе, се-
рые пятнышки за стеклами его очков по-
рою исчезали, распыляясь по лицу.

И, вилла это мертвое безучастие, это без-
застенчивое равнодушие, мать недоуменно
спрашивала себя:

— Судят?

Вопрос отскочил ей сердце и, посте-
пенно выжимая из него ожидание страш-
ного, шипела горло острым ошущением
обиды.

Речь прокурора порвалась как-то не-
ожиданно — он сделал несколько быстрых,
медких жестов, поклонился судьям и се-
ла, потирая руки. Предводитель дворянства
закливал ему головой, вытаскивая свои
глаза, городской голова протянул руку, а
старшина глядя на свой живот и улы-
бался.

Но судей речь его, видимо, не обрадо-
вала, они не шевелились.

— Слово, — заговорил старший, по-
нося к своему лицу какую-то бумагу, —
защитнику Федосееву, Маркову и Загаро-
ва.

Встал адвокат, которого мать видела у
Николая. Лицо у него было добродушное,
широкое, его маленькие глаза лучисто
улыбались, — казалось, из-под рыжева-
тых бровей высвечиваются два острого, и
точно жожжики стригут что-то в воздухе.

Заговорил он неторопливо, звучно и ясно,
но мать не могла вслушаться в его
речь — Сизов шептал ей на ухо:

— Поняла, что он говорит? Поняла?
Люди, говорят, расстроены, безумные.
Это — Федор?

Она не отвечала, подавленная тиском
разговорщиков. Обидно росла, опечален-
ная. Теперь Павлов стало ясно, почему
она ждала справедливости, думала уви-
деть строгую, честную таябу правды сы-
на с правдой судей его. Ей представил-

лось, что судьи будут спрашивать Павла
долго, внимательно и подробно о всей
жизни его сердца, они рассмотрят зоркими
глазами все думы и дела сына ее, все
дни его. И, когда увидят они правоту его,
то справедливо, громко скажут:

— Человек этот прав!

Но ничего подобного не было, — каза-
лось, что подсудимые невидимо далеко от
судей, а судьи — лишние для них. Утом-
ленная, мать потеряла интерес к суду и,
не слушая слов, обижено думала:

— Разве так судят?

— Так их! — одобительно прошептал
Сизов.

Уже говорил другой адвокат, малень-
кий, с острым, бледным и насмешливым
лицом, а судьи мешали ему.

Вскочил прокурор, быстро в сердце
сказав что-то о протоколе, потом, увеще-
вая, заговорил старичок, — защитник,
почтительно наклонив голову, послушал
их и снова продолжал речь.

— Ковыряй! — заметил Сизов. —
Рассковыривай!

В зале зарождалось оживление, сверкала
белой загор, адвокат разражал острыми
словами старую кожу судей. Судьи как
будто сдвинулись плотнее, надулись и
распухли, чтобы отразить колкие и ре-
зкие шепчки слов.

Но вот поднялся Павел, и вдруг стало
неожиданно тихо. Мать качнулась всем
телом вперед. Павел заговорил спокойно:

— Человек партии, я признаю только
суд моей партии и буду говорить не в
защиту свою, а — по желанию моего то-
варища, тоже отказавшись от защиты —
попробую объяснить вам то, чего вы не
поняли. Прокурор назвал наше выступле-
ние под знаменем социал-демократии —
бунтом против верховной власти и все вре-
мя рассматривал нас, как бунтовщиков
против царя. И должен заявить, что для
нас самодержавие не является единствен-
ным, оковавшей тело страны, она
только первая и ближайшая цепь, кото-
рую мы обязаны сорвать с народа...

Тинина углублялась под звуками твер-
дого голоса, он как бы расширял стены
зала. Павел точно отодвигался от людей
далеко в сторону, становясь выпущен.

Судьи зашевелились тяжело и беспо-
койно. Предводитель дворянства что-то
прошептал судье с дежурным лицом, тот
кивнул головой и обратился к старичку,
а с другой стороны в то же время ему
говорил в ухо боковой судья. Качаясь в
кресле вправо и влево, старичок что-то
сказал Павлу, но голос его утонул в ров-
ном и широком потоке речи Павлова.

— Мы — социалисты. Это значит, что
мы враги частной собственности, которая
разделяет людей, вооружает их друг
против друга, создает непримиримую
вражду интересов, жмет, стараясь скрыть
или оправдать эту вражду, и разражает
всех ложью, лицемерием и злобой. Мы го-
ворим: общество, которое рассматривает
человека только, как орудие своего обога-
щения — противочеловечно, оно враждеб-
но нам, мы не можем примириться с его
моралью, двуличной и лживой; признаем и
жестокость его отношения к личности про-
тивных нам, мы хотим и будем бороться
против всех форм физического и мораль-
ного порабощения человека таким обще-
ством, против всех приемов обогащения че-
ловека в угоду корыстолюбию. Мы, рабо-
чие — люди, трудом которых создается
все — от гигантских машин до детских
игрушек, мы — люди, лишенные права
бороться за свое человеческое достоинство,
нас каждый старается и может обратить в
орудие для достижения своих целей, мы
хотим теперь иметь столько свободы, что-
бы она дала нам возможность современно
завоевать всю власть. Наши лозунги
просты — долой частную собственность,
все средства производства — народу, вся
власть — народу, труд — обязательен
для всех. Вы видите — мы не бунто-
вики!

Павел усмехнулся, медленно провел ру-
кой по волосам, огонь его голубых глаз
высвечивал светлее.

— Прощу вас, — ближе к делу! — сказал
председатель внятно и громко. Он повер-
нулся к Павлу грудью, смотрел на него,
и матери казалось, что его левый туск-
лый глаз разгорается нехорошим, жалким
огнем. И все судьи смотрели на ее сына
так, что, казалось, их глаза припадают к
его лицу, присасываются к телу, жаждут
его крови, чтобы оживить его свои ино-
земные тела. А он, прямой, высокий,
стоя твердо и крепко, проталкивал к ним
руку и негромко, четко говорил:

— Я кончаю. Обидеть лично вас я не
хотел, напротив — присутствуя невольно
при этой комедии, которую вы называе-
те судом, я чувствую почти сострадание
к вам. Все-таки — вы люди, а нам всегда
обидно видеть людей, хотя и враждебных
нашей цели, но так поворачивающих
служением насилью, до такой степени
утрачивших сознание своего человеческого
достоинства.

Он сел, не глядя на судей, мать, сдер-
живая дыхание, пристально смотрела на
судей, ждала.

Андрей, весь сияющий, крепко сти-
нул руку Павла, Самойлов, Мазин и все
оживленно потянулись к нему, он улы-
бался, немного смущенный порывами то-
варищей, взглянул туда, где сидела мать,
и кивнул ей головой, как бы спрашивая:

— Так?

Она ответила ему глубоким вздохом ра-
дости, была облитая горячей волной любви.

— Вот, — начался суд! — прошептал
Сизов. — Как-ак он их, — а?

Она молча кивала головой, довольная
тем, что сын так смело говорил, — быть
может, еще более довольная тем, что он
кончил. В голове ее трепетно бился во-
прос:

— Ну? Как же вы теперь?

— Мы — революционеры и будем та-
кими!

— Мы — революционеры и будем та-
кими!

— Мы — революционеры и будем та-
кими!

— Мы — революционеры и будем та-
кими!

— Мы — революционеры и будем та-
кими!

— Мы — революционеры и будем та-
кими!

— Мы — революционеры и будем та-
кими!

— Мы — революционеры и будем та-
кими!

— Мы — революционеры и будем та-
кими!

— Мы — революционеры и будем та-
кими!

— Мы — революционеры и будем та-
кими!

— Мы — революционеры и будем та-
кими!

ДЕВУШКА И СМЕРТЬ

По деревне ехал царь с войной.
Едет — черной злобой сердце
точит.

Слышит — за кустами бузины
Девушка хохочет.

Грозно брови рыжие нахмура,
Царь ударил шпорами коня,
Налетел на девушку, как буря,
И кричит, доспедами звеня:

— «Ты чего, — кричит он зло и
грубо, —
Ты чего, девчонка, скалишь
зубы?»

Одержал враг надо мной
победу,
Вся моя дружина перебита,
В плен попала половина свиты,
Я домой, за новой ратью еду,
Я — твой царь, я в горе и
обиде, —

Каково мне глупый смех твой
видеть?»

Кoftочку оправя на груди,
Девушка ответила царю:

— «Отойди, — я с милым
говорю!
Батюшка, ты, лучше, отойди».

Любвишь, так уж тут не до царей,
Некуда беседовать с царями!
Иногда любовь горит скорей
Тонкой свечки в жарком божьем
храме.

Царь затрясся весь от дикой
злости,
Приказал своей покорной свите:

— «Ну-те-ко, в тюрьму девчонку
бросьте, —
Или, лучше, — сразу удавите!»

Искашив угодливые рожи,
Бросились к девице, словно черти,
Конюхи царевы и вельможи, —
Предали девицу в руки Смерти.

Смерть всегда злым демонам
покорна,
Но в тот день она была не в
духе, —

Ведь весной любви и жизни зерна
Набухают даже в ней, старухе,
Скучно век возиться с тухлым
мясом.

Истреблять в нем разные болезни;
Скучно мерять время смертным
часом.

Хочется пожить побесполезней,
Все, пред неизбежной с нею
встречей,

Ощущают только страх чужой,
Надоел ей ужас человеческий,
Надоела похороны, склепы.

Занята неблагоприятным делом
На земле и грязной и недужной,
Делает она его умело, —
Люди же считают Смерть ненужной.

Ну, конечно, ей обидно это,
Злит ее людское наше стадо,
И озлится сжигает Смерть со света
Иногда не тех, кого бы надо.

Поллюбит бы Сатану ей, что ли
Подмигнуть бы вволю адским
злом,

Зарыдать бы от любовной боли
Вместе с онекудрым Сатаной!

Девушка стоит пред Смертью, смело
Грозного удара ожидая,
Смерть бормочет, — жертву
пожалела:

— «Ишь ты, ведь, какая
молодая!
Что ты нагубила там царю?
Я тебя за это уморю!»

— Не сердись, — ответила
девица,
За что на меня тебе сердиться?
Целовал меня впервые милый
Под кустом зеленой бузины, —
До царя ли мне в ту пору было?
Ну, а царь, на грех, бежит с
войны.

Я и говорю ему, царю,
Отойди, моа, батюшка, отсюда!
Хорошо, как будто, говорю,
А — гляди-ко, вышло-то как
худо!

Что ж? От Смерти некуда
деваться,
Видно, я умру, не долбога.
Смертушка! Душой прошу тебя —
Дай ты мне еще поцеловаться!»

Смерть проснулась около
полудня,
Смотрит, — а девица не пришла!
Смерть бормочет сонно: «Ишь,
ты, блудница!

Видно ночь-то коротка была!»
Сорвала подсолнух за плетнем,
Нюхает, любитесь, как солнце
Золотит живым своим огнем
Лист осины в желтые червонцы.
И на солнце глядя, вдруг запела

Смерть проснулась около
полудня,
Смотрит, — а девица не пришла!
Смерть бормочет сонно: «Ишь,
ты, блудница!

Видно ночь-то коротка была!»
Сорвала подсолнух за плетнем,
Нюхает, любитесь, как солнце
Золотит живым своим огнем
Лист осины в желтые червонцы.
И на солнце глядя, вдруг запела

Смерть проснулась около
полудня,
Смотрит, — а девица не пришла!
Смерть бормочет сонно: «Ишь,
ты, блудница!

Видно ночь-то коротка была!»
Сорвала подсолнух за плетнем,
Нюхает, любитесь, как солнце
Золотит живым своим огнем
Лист осины в желтые червонцы.
И на солнце глядя, вдруг запела

Смерть проснулась около
полудня,
Смотрит, — а девица не пришла!
Смерть бормочет сонно: «Ишь,
ты, блудница!

Видно ночь-то коротка была!»
Сорвала подсолнух за плетнем,
Нюхает, любитесь, как солнце
Золотит живым своим огнем
Лист осины в желтые червонцы.
И на солнце глядя, вдруг запела

Смерть проснулась около
полудня,
Смотрит, — а девица не пришла!
Смерть бормочет сонно: «Ишь,
ты, блудница!

Видно ночь-то коротка была!»
Сорвала подсолнух за плетнем,
Нюхает, любитесь, как солнце
Золотит живым своим огнем
Лист осины в желтые червонцы.
И на солнце глядя, вдруг запела

Смерть проснулась около
полудня,
Смотрит, — а девица не пришла!
Смерть бормочет сонно: «Ишь,
ты, блудница!

Видно ночь-то коротка была!»
Сорвала подсолнух за плетнем,
Нюхает, любитесь, как солнце
Золотит живым своим огнем
Лист осины в желтые червонцы.
И на солнце глядя, вдруг запела

Смерть проснулась около
полудня,
Смотрит, — а девица не пришла!
Смерть бормочет сонно: «Ишь,
ты, блудница!

Видно ночь-то коротка была!»
Сорвала подсолнух за плетнем,
Нюхает, любитесь, как солнце
Золотит живым своим огнем
Лист осины в желтые червонцы.
И на солнце глядя, вдруг запела

Смерть проснулась около
полудня,
Смотрит, — а девица не пришла!
Смерть бормочет сонно: «Ишь,
ты, блудница!

Видно ночь-то коротка была!»
Сорвала подсолнух за плетнем,
Нюхает, любитесь, как солнце
Золотит живым своим огнем
Лист осины в желтые червонцы.
И на солнце глядя, вдруг запела

Смерть проснулась около
полудня,
Смотрит, — а девица не пришла!
Смерть бормочет сонно: «Ишь,
ты, блудница!

Сказка

Странны были Смерти речи
эти, —
Смерть об этом никогда не
просит!

Думает: «Чем буду жить на свете,
Если люди целоваться бросят?»
И на вешином солнце кости грея,
Смерть сказала, подманив змею:

— «Ну, ступай, целуйся, да —
скорее!
Ночь — твоя, а на заре —
убью!»

И на камень села, — обжидает,
А змея ей жалом косу лижет,
Девушка от счастья рыдает,
Смерть ворчит: «Иди, скорей,
иди жги!»

Вешним солнцем ласково
согрета,
Смерть разула стоптанные
лапти,
Прилегла на камень и уснула.
Нехороший сон приснился
Смерти!

Будто бы ее родитель, Каин,
С правнуком своим — Искариотом,
Дряхленькие оба, лезут в гору,
Точно две змеи ползут тихонько, —
«Господи!» — угромо стонет
Каин,

Глядя в небо тусклыми глазами,
«Господи!» — взывает злой
Иуда,
От земли очей не поднимая.
Над горою, в облаке румянном
Возлежит господь, — читает
книгу:

Звездами написана та книга,
Млечный путь — один ее
листочек.

На верху горы стоит архангел,
Снопик молний в белой руке
держит.

Говорит он путникам сурово:
«Прочь идите! Вас господь
не примет!»

«Михаил!» — жалуетесь
Каин, —
Знаю я — велик мой грех пред
миром!

Я родил убийцу светлой Жизни,
Я отец проклятой, подлой
Смерти!

«Михаил!» — говорит Иуда, —
Знаю, что я Каина ерешнее,
Потому что предал подлой
Смерти

Светлое, как солнце, божье
сердце!

И зывают оба они, в голос:
«Михаил! Пусть господь
хоть слово
Скажет нам, хоть только
пожалует —
Ведь прощенья мы уже не
молим!»

Тихо отвечает им архангел:
«Трижды говорил ему я это,
Дважды ничего он не сказал
мне,

В третий раз, качнув главою,
молвил:
— Знай, — доколе Смерть
живое губит,
Каину с Иудой нет прощенья,
Пусть их тот простит, чья сила
может

Побороть навеки силу Смерти.
Тут Братоубийца и Предатель
Горестно завывали, зарыдали
И, объявляясь, оба покатились
В смрадное болото под горою.

А в болоте бесятся, ликуя,
Упыри, кикиморы и черти,
И плюют на Каина с Иудой
Синими, болотными огнями.

Смерть проснулась около